

18+

ЯНА КУПРИТА

Карта ведьминых дорог

Яна Куприта

Карта ведьминых дорог

«Издательские решения»

Куприта Я.

Карта ведьминых дорог / Я. Куприта — «Издательские решения»,

Сказка ложь? А если нет? Агата в сказки не верила, и каково же было ее удивление, когда ее родная бабушка оказалась Бабой Ягой, а она сама путешествовала по сказочным мирам. Все как в сказке! Все да не все. Миры-то реальны. А то, что сказители не поняли, то сами придумали. Вот и думай теперь, так ли плох Кощей, сколько ли голов у Горыныча и зачем Бабу Ягу ввели в ранг злобной нечисти.

© Куприта Я.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1 Шестая попытка	6
Глава 2 Час — час — час настал	8
Глава 3 Избушка без курьих ножек	11
Глава 4 Третий сорт — еще не брак	14
Глава 5 Не ешь меня — я не съедобная	18
Глава 6 Семь десятков лошадей	21
Глава 7 Козы в салоне	25
Глава 8 Предскажи мне, зеркальце, судьбу мою	29
Глава 9 Избушка — несушка	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Карта ведьминых дорог

Яна Куприта

© Яна Куприта, 2026

ISBN 978-5-0069-9306-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 Шестая попытка

Все идет, как надо. Жаль, что не по той дорожке.

— Ох, как же мне надоело все это! Который раз уж приходим, а все без толку! Куда мы их девать будем? Может и впрямь, сожрешь уж парочку? А что? Они ж на заклятие идут. Готовы! Да и для тебя тогда кашу варить не придется! — белобрысый плечистый парень в мелкоячеистой кольчужке и отполированном до зеркального блеска шлеме с беличьим хвостом на навершии панибратски хлопнул друга по плечу.

— Я не людоед какой-нибудь, да и вообще мясо сырое не ем! — обижено пробурчал второй. — Думаешь, мне здесь медом намазано? Эта дыра мне самому уже в кошмарных снах мерещится. Давай, прекратим поиск. И что делать станем? Есть предложения? То-то же! Птица вещая сказала здесь искать — сидим и ждем.

Рыжеволосый молодец в узких штанах, сафьяновых сапожках и сером до пят плаще с капюшоном поверх расшитой серебром да золотом рубахи мрачно присел у земляной стены и брезгливо насупился, оглядывая нору в холме, где им суждено ждать невесть кого. Нет! Так-то им ведомо, что найти надо девушку, да не абы какую, а ведьму настоящую. Вещий ворон предрек, что здесь ее искать следует, и даже приметыв ее сказал: косы русые с оттенком пепла, глаза зеленые, стан ладный. Красавица! Только много здесь таких красавиц уже повидали, а все без ведьмовского дара.

— Слушай, Агатур! Может, полетаешь еще, да сам поищешь? Князь-то, поди, уже всех красавиц перебрал, шестой десяток уж приведет. Где ему новых-то найти, княжество невелико, четыре города всего да две сотни деревень. Опять тех же самых тебе подсунет.

— Это его проблема. От соседей привезет, куда ему деваться. Спалю еще пару сараев, вмиг забегает. А тех, что уже приводил вдругорядь не пошлет — пуганый уже, — усмехнулся Агатур. — А летать, Ратибор, здесь я больше не хочу. Богатыри-то местные уже по всему княжеству рыскают, меня ищут. Благо к этому холму их княжеские воины не пускают, а то пришлось бы с ними воевать. Жалко парней. Ни за что, ни про что головы сложат.

— Да, смешно получилось, когда в прошлый раз троих девок, что по второму разу на смотрины привели, ты из строя выгнал, да других из любопытной толпы вывести повелел. Вот вою-то было, когда среди них княжеская дочка оказалась, — Ратибор залиvisto захохотал, вспоминая, как верещала княжна, когда ее по указке Агатура в девичий строй волокли. Двое ратников с ней не справлялись, вшестером тащили. К слову сказать, красотой княжна не блистала: нос картошкой, глаза узкие, коса жидкая, щеки на плечах лоснились, да телом втрое шире остальных красоток была: — А что до богатырей? Сгинут, да зато легенды о них народ слагать станет. Делов-то!

— Не-е-е! Пусть живут. Парни-то они brave, смелые. А легенд и без них уже много сложено, около десятка Змеев Горынычей уже в княжестве этом побили. Где набрали только, отродясь драконов здесь не было, я один такой невезучий сюда попал, да и то лишь раз в тридцать дней у холма появляюсь, — Агатур встрепенулся и прислушался. — О! Идут уже.

Ратибор насторожился. Сам он кроме стрекота кузнечиков, да писка мелких мошек под трели жаворонка и стрекот сварливых сорок ничего не слышал, но раз друг сказал, что идут, стало быть, так оно и есть. Слух у Агатура вдвое, а то и втрое ярче будет:

— Оборачивайся тогда. И это... ты уж девку покладистую выбирай, а то прошлая-то Смеяна уж больно боевая оказалась. Хорошо, что Втор на нее запал, да успокоить смог, а то заплакались бы мы от ее выкрутасов...

Агатур поморщился, вспоминая огненноволосую Смеяну, которая едва не превратила их логово в руины, когда обнаружила, что «страшный дракон» — всего лишь молодой маг-оборотень, а «похищение» — часть хитроумного плана по поиску настоящей ведьмы.

— Втору повезло, — буркнул он, поднимаясь. — Нашел себе красавицу боевую. А мне что делать? Жуть, как надоело, опять притворяться грозным чудовищем, пугать девчонок, слушать визг...

— Работа у нас такая, — философски заметил Ратибор, поправляя беличий хвост на шлеме. — Зато когда найдем настоящую ведьму, вещий ворон обещал...

— Обещал, обещал! — передразнил Агатур. — Год уже почти прошел, а толку? Вещий ворон сказал — здесь искать пропажу. Здесь! А где именно «здесь»? В этом холме? В княжестве? В радиусе ста верст или пятисот?

Топот копыт, бряцание доспехов и девичьи всхлипы становились все отчетливее. Агатур вздохнул и начал стягивать плащ.

— Ладно, приступим. Шестая попытка. Может, повезет?

Глава 2 Час — час — час настал

*Тот, кто шепчет заклинания и роняет воронов, легко собьет
корону с дурной головы лопатой*

Стыло. Уныло. Будто не май на дворе, а середина апреля. Тучи, того и гляди, дождем умоются. Зелень хлипкая. Пора бы уже сирени цвести, да гроздьи еще только проклюнулись. И настроение под стать погоде — такое же слезливое. А откуда ему быть веселым? После похорон-то? Смерть любого человека слезу прошибает, а отца хоронить, вообще, мрак полнейший.

А еще страшнее, когда сразу от погоста его вдова в дом приводит хахала. Людей бы постыдилась, дура неблагодарная. Не-е! Ну это ж надо! Еще его кружка с чаем на столе стоит, тапочки в прихожей ждут хозяина, а жена в постели с другим кувыркается. Ладно бы хоть сорок дней прошло, вдова-то молодая, на девятнадцать лет покойного мужа младше. Понятно, что одна куковать до конца жизни не станет, и мужа нового найдет, и ребенка родит. Но не от свежего могильного холма же ухажера в дом приводить!

Агата зябко поежилась, утерла на щеках слезы и резко отвернулась от окна, когда дверь в ее комнату распахнулась.

— Так, дорогая! Приготовь завтрак, к вечеру погладь мое синее платье, а то помялось, в ресторан в таком стыдно идти. А еще сбегай в магазин, прикупи коньяка, шампанского, сыра, колбасы. Помолвку отмечать буду! — в дверном проеме стояла мачеха, горделиво вскинув голову.

Агата поморщилась — ну чего вот в ней отец нашел? Про таких говорят: ни кожи, ни рожи и попа с кулачок. Сухая, как жердь, губы тонкие, глаза узкие и нос длинный. Разве что волосы у нее роскошные: густые, волнистые до пояса. Обесцвеченные только. Родной, черный цвет с каштановым отблеском был бы круче, и ей бы больше подошел. А в обрамлении выжженных пергидролом косм лицо казалось серым и болезненным.

— Что, Маргоша? И денег дашь? — с насмешкой спросила Агата. Уж кому, как не ей, знать, что в доме денег нет.

Жили они небогато, но и не бедно. Зарплата у отца была приличная. Хватало и на хлеб, и на масло, да и холодильник не пустовал. Пока отец шесть месяцев назад не женился, то и на отпуск к морю средства находились, и на обучение дочери в институте культуры, да и автомобиль Лада для Агаты приобрели. Пусть не новая машина, зато удобная и своя. А с приходом в семью новой жены отца, денег стало резко не хватать, при том, что Агата уже работала в библиотеке. Заработок невелик, но на свои потребности вполне хватало. Даже накопила немного на отпуск. А мачеха не работала, зато требовала у супруга чуть ли не каждый день новых подарков — то шубку ей беличью, то кольцо с бриллиантом, то новое платье, как у Дженнифер Лопес, то автомобиль Форд, обязательно красного цвета, и чтоб люк сверху был. Благо, что на такой автомобиль у отца уже средств не осталось. Пришлось молодой доволствоваться подержанным Москвичом. Но, ведь купил. А на похороны Агата свои отпускные накопления потратила. Ей не жалко было этих средств — какая уж теперь поездка по Золотому Кольцу. Тошно! Горько!

— С чего бы это? Свои потратишь, знаю, есть у тебя! — мачеха подбоченясь вскинула голову кверху. — И вообще! Не смей меня Маргошей обзывать! Для тебя я Маргарита Леонидовна! Петр эту квартиру мне подарил, здесь я хозяйка, и непочтения не потерплю. Вот еще что: отныне зарплату будешь отдавать мне, все домашние дела на тебе, а к моему новому мужу относись с любовью и лаской. Но если замечу, что глазки ему строишь и бедрами перед ним виляешь, выпорю. Мало не покажется.

— А не ошалела ли ты, Маргоша? Лопату ли мне ни приготовить? — рассмеялась Агата.

— Какую лопату? Зачем? — удивилась Маргоша, тут же растеряв всю спесь.

— Как зачем? Чтобы корону с твоей дурной башки сбить, — усмехнулась Агата.

— Что-о-о? Да как ты смеешь! Да я... Да ты... — захлебывалась визгом мачеха. — Вон из квартиры... На паперти будешь подавание просить. Бомжиха! Малолетка сранная!

— И чего это ты так разбушевалась? Я-то малолетка, спорить не буду, а ты хоть на четыре года старше, но с детства уже старуха, — усмехнулась Агата. — Впрочем, продолжай! Красные пятна на твоих рябых щеках твоему хахалю понравятся! Да и не переживай ты так, я и сама не горю желанием жить с тобой под одной крышей.

— Да ты...

— Что здесь происходит? — заполошные визги мачехи не позволили услышать Агате, как хлопнула входная дверь квартиры, и в комнату вошла ее бабушка. — Как ты, Агатушка? Вещи собрала? Молодец. Поехали скорее из этого бедлама.

— Что несешь, бабка? Какие вещички? Здесь все мое! — с новой силой завизжала Маргоша. — Ничего не отдам! Славик! Вызывай полицию! Нас грабят!

— Славик, вызывай! Пусть расследуют, почему у моего сына здоровое сердце остановилось, а вообще-то не обязательно. Следствие и так все выяснит, — тихо сказала бабушка, да только после этих слов Славик, выглядывающий из хозяйской спальни, резко закрыл дверь, а Маргоша захлебнулась собственным воплем, выпучила глаза и мгновенно побледнела. — Пойдем, внученька из этого болота. А ты, Маргоша, поживи пока в чужой квартире, очень скоро ты ее потеряешь. Испоганила ты жизнь свою, быстренько она тебе отомстит.

Вещи свои Агата собрала еще ночью и уже загрузила их в багажник своей машины. Она подхватила рюкзачок, куда сложила пару комплектов нижнего белья, запасные джинсы, три футболки, пару летних кроссовок, щетку для волос, да минимум косметики, чтобы пару дней не открывать сумки и коробки с одеждой.

— Давай-ка, внуча, на кладбище заедем, — предложила бабушка. — Принято с утра после погребения могилу навещать. Вот и поглядим, как Петенька там ночь провел.

— Заедем, бабусенька, раз так положено, — кивнула Агата. — Только зря это. Папу мы все равно там не увидим.

— Как знать, как знать, — задумчиво проворчала бабуся, — Через Калинов мост души на сороковой день только проходят, а до того в своем мире блуждают.

— Какой еще мост? Ты о чем, бабуся?

— Дома все тебе расскажу, поведаю. И про мост, и про речку Смородину... Пора уж мне открыться. Повзрослела ты, в силуходишь...

Агата обернулась, чтобы последний раз окинуть взглядом отчий дом, где она выросла, и откуда вынесли гробы с любящими ее родителями — сначала мать девять лет назад, а вчера и отца. Двадцать три года дом для нее был родным и уютным, а сейчас предстал мрачным, холодным и злым. Даже кусты сирени у скамеек возле крыльца казались унылыми.

— Опять эта ворона меня взглядом буравит, — недовольно проворчала под нос девушка. Вроде бы тихо сказала, да бабушка все равно услышала:

— Какая ворона? — она обвела взглядом двор. — Это не ворона, а ворон. Давно он за тобой... приглядывает?

Ворон сидел на ветке раскидистого куста, черный, как сама тьма. От его пристального взгляда по телу бежали мурашки. Он казался разумным и очень злым, того и гляди, заклюет:

— Да уж с неделю встречается всюду, кажется, что специально меня преследует. А сегодня всю ночь до утра в окно подглядывал, — ответила Агата и удивленно вытаращила глаза на бабулю. Та что-то пошептала в ладонь, пристально глядя на ворона, и резко вскинула руку, будто бросила камень в мрачную птицу. Ворон круто взлетел с ветки и картаво каркнул. К удивлению Агаты в крике птицы ей послышались вполне человеческие слова: «Скорррро! Жди, жди!»

— Давай-ка поспешим! — бабушка потянула Агату к автомобилю. — Вижу, времени осталось меньше, чем я надеялась.

— На что времени не осталось? Что вообще происходит? — хриплый крик ворона, непонятные действия бабушки, как предвестники чего-то неприятного вызывали испуг.

— Терпение, внученька. Поехали! Дома поговорим. Все расскажу, все поведаю!

Вожделение машины всегда действовало на Агату умиротворяющее, и забылись бы все последние события перед побегом из дома, если бы на кладбище у двойной могилы родителей вновь не встретился жуткий непонятный ворон. Его пристальный взгляд опять заполонил девушку страхом.

— Пошел вон! — бабушка взмахнула рукой, однако ворон лишь перескочил на ветку боярышника чуть выше и проворчал:

— Час-час-час настал...

— Чтоб тебе пусто было, окаянный! — выругалась бабушка, шаря глазами по низу в поисках прутика.

И нашла... Но не успела замахнуть на вредную птицу. Внезапно ворон закричал и затрепыхал крыльями, истерично задергался, словно кто-то схватил его за лапы, а потом свалился с куста и замер. Его крылья безжизненно распластались на могильном холмике Агатиного отца, и лишь подергивания крючковатых лап говорили, что ворон жив.

— Спасибо, Петя! Придержи его немного, сын, пока мы скроемся. И прости, что на могилку к тебе больше не придем. А на реке Смородине я тебя встречу и провожу, — бабушка улыбнулась и медленно пошла прочь с кладбища. Ничего не понимая, Агата поспешила за ней. Все больше вопросов готовы были сорваться с ее языка, но девушка помнила, что бабуся обещала все рассказать дома.

Глава 3 Избушка без курьих ножек

Сказка — ложь. Но если бабушка говорит обратное, то лучше поверить и собрать вещи.

Как же любила Агата бывать в этом месте. Вроде и пригород еще, но нет здесь суеты, шума и выхлопных газов. Тишина и спокойствие! Словно в другой мир попадала. На краю дубового бора притулились аккуратные бревенчатые избушки, изредка слышался ленивый лай собак, а по улочкам вился смолистый запах дыма из печных труб. В последние годы все чаще на месте избушек вырастали каменные безразличные коттеджи за глухими заборами, все больше и яростнее тишину резали двигатели иномарок, а простоватых сельских жителей заменяли уважаемые оборотистые снобы. Город захватывал деревушку и преобразовывал ее по своему подобию.

Избушка бабуся находилась далеко от новоделов, и еще не скоро ее поглотит городская спесь. Она одиноко стояла на краю поселка — притаилась за дубами. Бабушка любила тишину. Она отказалась от электричества и газификации. Ей нравилось доставать ведро с водой из колодца, отапливать избушку дровами и печь пирожки в русской печке. Приезжая к бабушке, Агата будто попадала в историческое прошлое на пару веков назад.

Впрочем, бабушку в поселке любили, приходили к ней часто и не только односельчане, но и из города и дальних мест. Все потому, что была она мудрой травницей, а ее мази, сборы трав и эликсиры пользовались большим спросом.

— Знаешь, бабусь, я, когда в детстве приезжала сюда, все ждала, когда же у твоей избушки появятся курьи ножки. Прямо, как в сказке про Бабу Ягу. Даже шептала: встань к лесу задом, а ко мне передом, — Агата вылезла из машины и с любопытством озиралась на свое новое пристанище. Покой этого места вытеснял ее мрачное настроение, запах весенней листвы дубов наполнял доброй энергией ее тело, оздоравливал и пьянил мысли: — Только ступы не хватает.

— Ой, как не хватает, Агатушка! И не только ступы. Курьи ножки тоже бы не помешали, — вздохнула бабушка, спеша к крылечку. — Идем в дом, там и поговорим.

А в доме тоже было все, как в сказке: печь с полатами, чугуны на плите, ухват в углу, пучки трав вдоль стен, стол дощатый, да деревянные лавки возле него. Разве что современные полки с книгами выбивались из интерьера.

— У тебя новый сборник сказок появился? — спросила девушка, пробежав глазами по корешкам книг на полке. — Ты уже столько сказок перечитала. Не надоели еще?

— Что ты знаешь о сказках, внуча? Думаешь, это вымысел? Народное творчество? — усмехнулась бабуся. — Помнишь? Сказка — ложь, да в ней намек — добрым молодцам урок! Вот я тебе и скажу, а ты поверь: в сказках почти все правда. Народ что видел, то и рассказывал. Ну, привирали иногда, да то ж для красного словца, али от страха или непоняток каких приукрашивали.

— Да ну-у-у! Скажешь тоже. Что и Баба Яга есть? И ведьмы? И Змей Горыныч о трех головах?

— О трех головах брешут. И Змей Горыныч совсем не тот, кого в сказках злом наградили. И Бабу Ягу ты с рождения знаешь, — засмеялась бабушка. — Садись-ка на лавочку, внученька. Времени у нас мало. Петя ворона-то еще подержит часа четыре. А потом как бы беды избежать...

Агата придирчиво взглянула на бабуся — не рехнулась ли старая? Но взгляд у нее был ясным, мудрым и внимательным, и Агата успокоилась — почему бы не послушать бабушкину версию о вороне. Странная птица вызывала беспокойство. Да и событие на кладбище трево-

жило. В то, что умерший отец скинул с ветки ворона, девушка не верила. Но ведь что-то его держало за лапы...

— Змеем Горынычем люди прозвали определенную расу людей. Драконы — так называется эта раса. Это обычные люди, которые имеют вторую ипостась.

— Типа оборотней что ли? — усмехнулась Агата.

— Нет. Оборотни имеют в своем теле две сущности. Разные. Как белое и черное. У каждой сущности свой характер, свои плюсы и минусы. Преобразившись в другую сущность, они становятся совсем другим существом. Объединяет их только общая цель, но методы и поведение их различны. Потому оборотней боятся и уничтожают. Хотя, среди них встречаются индивиды, которые полностью подчинили вторую звериную сущность, и они не опасны для людей, — бабушка достала из печи чугунок, положила в миску ароматную рассыпчатую тыквенно-пшеничную кашу и щедро сдобрила ее сливочным маслом: — Ешь! — подвинула она миску к Агате. — Драконы же имеют одно целое. Звериная ипостась у них всего лишь оболочка, типа костюма, а сознание одно. Их характер не меняется с изменением ипостаси.

— Бабусь, откуда ты это знаешь? Современную литературу ты не читаешь, а в сказках таких подробностей нет, — удивилась Агата, наслаждаясь нежным вкусом каши.

— Знаю, внуча, знаю... — бабушка задумчиво глядела в окошко, где незаметно рассеивались тучи, и пока еще редкие солнечные лучи робко прыгали на верхушки дубов. — Ровно пятьдесят лет назад я выпала от Калинова моста в этот мир. Все думают, что мне семь десятков всего, а на самом деле намного больше. Сто девяносто два уже. И да, я ведьма. Не смотри на меня так жалостливо, я не выжила из ума, и жить мне еще лет двести осталось. В сказках все верно написано: избушка на курьих ножках, Баба Яга... Это и есть мой родной мир, — бабуся тяжело вздохнула и задумалась, будто окунулась в воспоминания. Агата ей не мешала, видела, что ушла та в мыслях далеко от этих мест. Девушка налила из чугунка горячей водицы в таз, вымыла чашки и смахнула со стола крошки. Снова села за стол и обняла ладонями бабушкину руку. Старушка встрепелась и, словно не было паузы, продолжила свой рассказ:

— Место, где я росла, называется Тридевятое царство. Собственно, царством оно никогда и не было. Это даже не государство, и не мир. Это перешеек такой между тремя мирами. Таких малых междумирий много, они соединены меж собой тайными тропами, а живут там и хозяйствуют ведьмы. Их и называют Бабой Ягой. На самом деле имена у них другие. Основная задача у них одна — проводить души умерших через Калинов Мост в мир для возрождения в новом теле. И еще помочь живым, кто сумеет этот мост преодолеть. Богатырям чаще всего, но это уж по желанию самой ведьмы.

— Погоди! В сказках, чтобы перейти по этому мосту надо Змея Горыныча одолеть. Это ж получается, что драконы его охраняют? — удивилась Агата.

— Нет, драконы здесь ни при чем. Калинов Мост пройти смогут те, кто своих собственных страхов не побоится. Умершие автоматически туда попадают. Это их путь на суд божий и перерождение. Но и живые туда часто идут, кому совет требуется, кто-то здоровье поправить, кто-то от врагов избавиться хочет. В Тридевятое царство могут попасть все — и живые, и мертвые, покидают только живые или возвращающиеся в жизнь. Но это ведьмы решают, какую цену заплатят пришлые за проход и помощь. По чистоте помыслов и расплата, по скорости выполнения заданий — срок возвращения в мир.

— Я так поняла, что чем чище человек и добрее, тем быстрее ему ведьмы помогут и назад вернут? — Агата уже немного запуталась. В сказках-то все понятно: проявит богатырь к Бабе Яге добро, получит помощь. А о каких заданиях речь идет? Типа — вот тебе клубок путеводный, иди за ним? Это ж вроде бы помощь, а не задание. Впрочем, ей-то какое до этого дело: — Бабусь, а ты-то здесь каким боком?

— А таким, внуча, что у каждой Бабы Яги в свое время появляется внучка или правнучка, не обязательно родная по крови, важно, чтоб родная по духу была. Каждая ведьма-хранитель-

ница своего Тридевятого царства воспитывает ее и обучает. Девушки, ну, всякие там Василисы премудрые, или Елены прекрасные, лет через двести заменяют своих наставниц, когда у старой ведьмы срок жизни заканчивается, а у учениц — молодость. Тогда воспитанницы сами становятся Бабой Ягой. Меня вот Марья—кудесница красна травушка звали, а бабушку мою Аннушка—чаровница. Красная — это не по цвету, а в смысле красивая.

— Круто! — восхитилась Агата. — То, что ты красавица была, верю, и сейчас ты красоты не потеряла, а травушка почему?

— Так я ж травница! Что там, то и здесь. Одно плохо, что магии в этом мире почти нет.

— А здесь ты как оказалась?

— Напал на нас...

— Кошей Бессмертный? — шутливо спросила Агата, она все никак не могла поверить в правдивость бабусиной истории.

— Нет. Кошеюшка не так плох, как в сказках о нем бают. Да, он сильный маг, и смог смерть свою спрятать в игле. Только бессмертие ему надоело уже давно, а в наказание ему за предыдущее воплощение — тысячу раз умереть надо. Вот и ворует он невест у богатырей, чтоб бессмертие свое исчерпать. А так зла он никому не причиняет, помогает даже сирым да обездоленным. В прежней-то жизни он чернокнижником был, жуткие вещи творил, вот за это и наказан. А напал на нас колдун Дутраган, да не сам, а рать из воронов послал. Самому-то ему через Калинов Мост не пробраться, темный он, Мост его сожжет. Много было воронов. А я по тропинке к соседней ведьме по делам уходила. Когда вернулась, Аннушка уже почти все стаи развеяла, да сама уже еле на ногах стояла. Я опомниться не успела, как она меня в портал выбросила, в один из трех миров хотела отправить, да смерть ее сбила настройку перехода, я и оказалась в мире без магии. Ходов назад здесь нет, как я ни искала. Полсотни лет магию для портала по крохам собирала. Теперь сможем построить одноразовый в мой мир. И поспешить надо. Во-первых, потому, что пернатый шпион колдуна нас здесь нашел. А во-вторых, хотя это, пожалуй, важнее будет, в Тридевятом царстве без хранильницы через десять лет мосты рушатся, все три хода в опекаемые миры закрываются, и они теряют магию. Станут такими же безмагическими, как этот.

— Погоди, но ты же здесь уже полсотни лет находишься, сама сказала. Значит, уже давно Калиновы мосты рухнули, — охнула Агата.

— Здесь полсотни, а там — девять. Время по-разному течет, — вздохнула бабушка.

— Может, жива Аннушка—чаровница? И мир твой еще долго проживет, — задумчиво произнесла Агата, в попытке успокоить бабушку. Она видела, что та еле сдерживает горькие слезы и губы у нее дрожат.

— Нет. Погибла. Ее сила и мудрость меня в портале догнали. А свой дар я тебе передала, когда ты только народилась. Уж не обессудь, внуча, ведьма ты с рождения. Дар у тебя прижился, раскрылся, но знания спят, без магии ты ими воспользоваться не сможешь. Попробуй, прислушайся. Здесь-то, в избушке я крупницы энергии долго собирала, может, поймешь что-то.

Под пристальным взглядом бабуси, Агата закрыла глаза, попыталась прислушаться к своему организму и вздрогнула, испуганно посмотрев на бабулю.

— Что-то почувствовала? — напряглась Марья.

— Не знаю. Почудилось, что папа сказал: «Улетел».

— Понятно. Петя не удержал ворона. Времени у нас мало осталось. Скоро ворон нас найдет. Поспешить надо. Собери себе вещей один раз переодеться, что нужно на месте купим. А я пока портал подготавливаю, — сухо приказала Марья и, горестно прикрыв рот кулаком, посетовала: — Не знаю, какими чарами колдун снабдил ворона, но если вмешается в построение портала, то в беду можем угодить.

Глава 4 Третий сорт — еще не брак

Если дракон смотрит на тебя, то это либо любовь с первого взгляда, либо ты — десерт.

Впервые с начала весны солнышко жарко грело молодую зелень. Будто вдохновляясь новым поворотом в судьбе Агаты, серое дождливое небо распахнулось яркой лазурью, дубы раскрыли ладошки клейких листиков, просторы заполнили жизнерадостные мелодии птичьих голосов. Агата пристально вглядывалась в гущу леса за околицей, блуждала взором по двору, пытаясь закрепить в памяти каждую мелкую деталь покидаемого мира. Она зацепилась взглядом за автомобиль — жалко! Ох, как жалко оставлять свою любимицу, но Марья сказала, что в портал она не пройдет. Магии маловато, чтобы арка получилась достаточно широкой для Лады. Да и смогут ли ведьмы двигатель внутреннего сгорания переделать в магический артефакт «скорого пути» — бензин в магических мирах отсутствует.

Сотканный из воздуха портал под взмахами бабушкиных рук становился плотнее и пускал вокруг себя радужные всполохи. Клубком мрака над верхушками дубов шмыгнула тень и опустилась на капот автомобиля.

— Бабуся! Ворон! — вскрикнула Агата. Черная как смоль птица мрачно уставилась на порталную дверцу.

— Шагай в арку, Агата! Быстро! — повелительно махнула рукой Марья.

Подхватив свой рюкзачок, девушка шагнула в портал, краем глаза заметив, как взвился ворон, как бабушка вцепилась в его лапы, как крыльями молотила черная птица по голове Марьи. Агата резко развернулась, чтобы помочь бабушке в драке с пернатым исчадием ада, но замерла... Арки не было! А сама она оказалась у белой стены метров пяти высотой. Массивное сооружение возвышалось перед ней, сложенное из побеленного известью кирпича. Кладка была неровной, местами выщербленной временем и непогодой. Кое-где белизна облупилась, обнажая обожженную до красна глину.

Стена уходила влево и вправо, теряясь за поворотами. Наверху виднелись зубцы — мерлоны, характерные для русских крепостей, с узкими бойницами между ними. Как бабушка и наказывала, Агата шагнула в сторону. Ожидая выхода Марьи из порталной арки, она разглядывала широкую мощеную камнем площадь. Булыжная мостовая расходилась от ее ног во все стороны — серая, выщербленная, хранящая память о тысячах шагов. Камни разного размера подогнаны друг к другу с той неспешной тщательностью, что отличала старинных мастеров.

Сама площадь была пуста, но на удивление чиста, будто накануне ее мели и драили с мылом, а слева плотная масса народа молчаливо ожидала каких-то событий. Бабуся не появилась. Агата продолжала ее ждать, но страх уже змеей заползал в ее душу. Остаться одной в незнакомом мире — удовольствия мало! Как последний толчок в мрачность, перед девушкой опустился потрепанный ворон и, вперив в нее черные с красными отблесками бусины глаз, хрипло захохотал: «Потеррррялась? Марррька не пррридет! Хозяину рррадость! Кар-каррр!»

— Ах, ты ж... — дернулась Агата, чтобы пнуть зловредную птицу, но и шага сделать не успела.

Ворон взмыл в небеса, да и был таков. А железные ворота в стене со скрипом отворились. Гремя оружием и бряцая доспехами, на площадь вышли стражники — княжеские стрельцы в полном вооружении. Высокие, статные, в долгополых кафтанах малинового цвета, с золотым шитьем по вороту и обшлагам. Под кафтанами проглядывали кольчуги, на головах шапки-ерихонки с наушниками и железными наносниками. Лица суровые, обветренные. Один, постарше, с сединой в бороде, держал перед собой бердыш — широкое лезвие на длинном древке с медными заклепками. Остальные сжимали в руках пищали — длинные ружья с фитильными зам-

ками, и у каждого на поясе висела сабля. Они шли прямо на Агату, и звон их шагов эхом отдавался от стен.

— Ха! Глянь-ка, Калин, девка! Хороша! Приодеть только, и искать другую больше не придется! — с широкой улыбкой безусый стражник щегольски подбоченился перед Агатой. Грудь колесом, хитрые искры в глазах, но тон его не вызвал неприятия, даже наоборот, отринул страх, что заронил в душу девушки ворон.

— Худосочная какая-то! — седобородый коренастый стражник, в самой фигуре которого читалось старшинство над четверкой стрельцов, придирчиво осматривал насторожившуюся Агату.

— Да не-е-е! Не худосочная, — в противовес командиру ответил воин с невероятно голубыми глазами и волнистой прядью волос, спустившейся по виску из-под ерихонки, — Ладная, да фигуристая и красотой не обижена.

— Пошире бы... Чтоб кровь с молоком, а не костями при ходьбе гремела, — брезгливо насупился старшой. Агату это изречение, мягко говоря, не порадовало. Ей своя фигура нравилась, она берегла свою талию. Диетами себя не морила, но ежедневные утренние пробежки не пропускала, да три раза в неделю в тренажерном зале до седьмого пота занималась.

— Ну и хам же ты, батенька. Пошто меня унижить пытаешься? Не нравится моя фигура, так не смотри, а грязью поливать не позволю, — Агата подскочила к командиру: левая рука уперлась в бок, указательным пальцем правой она угрожающе водила перед носом стражника, глаза горели обидой. Маленькая, верткая, как воробышек перед коршуном, но выше ее на голову и вдвое шире в плечах Калин торопливо отпрянул на два шага назад:

— Ишь ты! Боевая какая!

— А ты не смей меня обижать! — пыл, как разгорелся мгновенно, так же быстро и погас. И знать она не знала, что покраснелись ее щеки, а зеленые глаза от гнева сверкали так ярко, что казалось, озарили ярким светом саму душу стрельцов.

— Ну, коли так! Прости за недоброе слово. Не прав я! Ты на самом деле всем красавицам красавица! Пойдем ко дворцу. Там Князь великий тебя ждет, — усмехнулся Калин, и, нахмурившись, опустил голову на грудь.

Агата оглянулась — арка так и не проявилась. Не стоять же здесь до скончания света. Что ж! К князю, так к князю. Других предложений ей не поступало. А уж потом будет думать, как жить станет в этом мире, или ведьм искать, которые смогут ей проход в Тридевятое царство открыть, либо назад в деревню к бабушке переместить. Поправив лямки рюкзака на плечах, она пошагала в окружении стрельцов к воротам. Хоть посмотрит, как князя в древности жили-поживали. Интересно же!

Жаль, что так и не увидела дворец белокаменный. Нет, ну крылечко красное с ковровой дорожкой было, и терем был, но не каменный, а деревянный — высокий, с резными наличниками и слюдяными окнами. Крыльцо, выкрашенное в яркий алый цвет с белыми точеными столбиками, поддерживающими навес, выглядело единственным живым пятном на фоне сруба из толстенных крепких бревен, потемневших до черноты. Словно кто-то нарочно оставил этот яркий мазок, чтобы заманить внутрь. Только в терем-то Агату и не повели.

Во дворе — кипишь! Многочисленные мамки, няньки суетились вокруг девиц, разодетых все как одна в алые парчовые сарафаны и расшитые золотой вышивкой белоснежные рубахи с длинными широкими рукавами присборенными у запястья. Кокошники высокие, с поднизями скрывали их лбы, а тонкая вуаль половину лица. Монисты, диковинные ожерелья украшали грудь. Девы стояли рядком, как товар на ярмарке, неподвижные и безмолвные, только губы шевелились. Молились, что ли? А няньки на них все поправляли, подтягивали, приглаживали, словно наряжали кукол к празднику.

К Агате подскочила дородная баба — точь-в-точь сватья баба Бабариха из сказки Пушкина о царе Салтане.

— Малахольная какая-то, — она сморщилась, придиричливо разглядывая Агату, словно просканировала от пят до макушки. Не вдохновилась, но махнула рукой: — Ладно! Сойдет! Третий сорт — еще не брак. Мелька, — завопила баба в сторону копошащихся перед девицами слуг, — Неси сюда одежду для десятой девицы, — приказала она и снова повернулась лицом к Агате, — Чего стоишь, как не живая? Раздевайся, снимай с себя всю шелупонь, наряжать будем.

— Еще чего придумала? Не стану я одежду с себя снимать, — обиделась Агата. Ей и в джинсах с поперечными дырами над коленками, да в голубой футболке с принтом в виде синички на березовой ветке вполне комфортно. Ее что ли проблема, что сюда не докатилась мода ее мира.

Бабка насупилась, но крик от красного крыльца: «Стройтесь! Выходить пора!», не оставил ей времени на споры:

— Ладно! Поверх сарафан надевай. Так даже лучше, покруглей смотреться станешь, — махнула она рукой.

Тут же вокруг Агаты засуетились девицы в холщовых рубахах и простых сарафанах из крашенины — серых, коричневых, выцветших. Толстые косы заплетены атласными лентами, а на ногах лапти. Не прошло и минуты, как Агату обрядили по подобию девиц, что стояли в ожидании у крыльца. Даже кокошник ей на голову напялили и в сапожки сафьяновые обули. Вот только оставлять здесь свои летние кроссовки Агата не собиралась — сапожки удобные, но своя обувка все же привычнее. Агата водрузила за спину рюкзак, а на плечо перекинула кроссовки, связанные друг с другом шнурками.

— Тьфу! Деревенщина! Выброси свою рвань здесь, не позорь Князя-батюшку! — зашипела Бабариха и брезгливо сплюнула под ноги.

— Не дожدهшься, — фыркнула Агата, и усмехнулась в лицо сердитой бабе: — Все свое ношу с собой! Отнимешь мои вещи — никуда не пойду! Я еще и подраться могу. Фингал набить, али морду поцарапать...

— Да чтоб тебя, невежа, — выругалась баба и зло прошипела, подталкивая Агату в колонну девиц: — Чтоб ты избранной оказалась!

— И тебе не хворать, нянюшка. Благодарствую на добром слове, — Агата театрально поклонилась Бабарихе, чуть кокошник с головы не свалился. А что, сказок много читала, фильмы смотрела — не сплеховала, поди, иронично имитируя поклон.

Посмеиваясь, Агата пошагала вслед за ряжеными девицами. В окружении стрельцов и конников, охраняющих Князя в голове шествия, шли долго. Брусчатку сменила наезженная телегами грунтовая дорога. Позади осталась площадь. Процессия миновала городские улочки. А народ вдоль всего пути только гуще толпился. А чем ближе к одинокому холму за городскими воротами, тем громче и чаще из массы людей слышались завывания баб: «Кровиночка моя... Пожалей, князь... Не губи доченьку...» И девицы, что шли вместе с Агатой, все горестнее всхлипывали и тихо подвывали.

А Агата все никак не могла принять эту действительность. Сон? Нет, не сон — кокошник на голове мотыляется, плохо на волосах закреплен, сапожки красивые, мягкие, да не разношены еще по ноге — жмут слегка. Можно бы подумать, что в ролевые игры попала, но тогда как объяснить порталную арку. А еще бабушка говорила об иных мирах, и не по ее характеру в театральных играх участие принимать. Здесь же явно попадание в историческое прошлое Руси. Ан, нет! Агата резко дернула головой, когда девиц выстроили в ряд перед горкой, и стало понятно, что это не русское прошлое, а вполне себе параллельный мир. Потому что в холме темнел не маленький такой вход в пещеру, а возле него лежал... Дракон!

Не огромный, как Агата представляла, начитавшись сказок, размером обычного камаза помельче будет. Чешуйки величиной с ладонь отливали то ли медью, то ли старой бронзой и наслаивались друг на друга, как черепица на крыше. Голова массивная, с тяжелыми надбров-

ными дугами и длинной мордой, утыканной шипами и костяными наростами. Пасть приоткрыта, и оттуда виднелись ряды желтоватых клыков. Из широких ноздрей время от времени вырывался дымок. Кожистые крылья гармошкой на спине сложены. Лапы мощные, с когтями, землю царапали. Хвост длинный, толстый, кольцом обвивал тело, а глаза были закрыты, словно дракон спал, но даже во сне от него исходила такая мощь, что воздух вокруг дрожал. В общем, симпатичный такой!

Нехотя дракон шевельнул ушами, когда княжеский знаменосец загудел в горн, тряхнул головой, зевнул и открыл глаза. Тишина окутала и ряды девиц, и стрельцов в купе с Князем, и всю толпу, что пришла лицезреть на невиданное, как предположила Агата, представление с поеданием девиц.

Дракон лениво осматривал девушек. Под его взглядом головы девчонок вжимались в плечи, руки тряслись, на побледневших щеках струились слезы. Казалось, что хрустни в этот момент ветка, и все девушки от страха сиганут в разные стороны или свалятся в обморок. Колокольчиком в зловещей тишине прозвенел голосок: «Не бойся!» И Агата отвлеклась, рассматривая желтобрюхую синичку, примостившуюся на ее плече. А когда опять взглянула на дракона (синичек-то она уже много повидала, а дракона впервые встретила, его бы получше рассмотреть стоило), то вздрогнула — он вперил взгляд прямо на нее. Удивление, восхищение — вот что почувствовала Агата в его взоре, а не страх или брезгливость. А еще он, кажется, был рад встрече. И не с толпой девиц, а именно с ней, с Агатой.

Не змеиные глаза были у дракона, разве что зрачок черный вертикальный, а в их фиалковом цвете искрились серебристые блики. Мудрость и интерес сквозили в его взоре, а еще считывался легкий смех и хитринка.

— Эта! — сурово зарычал дракон и показал лапой на Агату.

По толпе пробежал шквал шепотков, радостные причитания да облегченные всхлипы: «Пронесло! Вернется донюшка домой!», а четверо стрельцов, подтолкнув Агату в спину, заставили ее идти к дракону.

— Не реви, дура! — грубо рявкнул Князь, когда Агата случайно на третьем шаге споткнулась, ткнувшись в спину молодого воина, — Дракон не съест, только понюхает.

— Ну и шуточки у тебя, болезный! Смотри, не подавись смехом-то! — сквозь зубы процедила Агата в лицо венценосцу. Уважения к заживевшему с жидкой бородачкой и гниловатыми зубами, трясущемуся от страха перед драконом князьку она не испытывала, ну прям, ни капельки. А за что его уважать? За то, что девчонок к дракону на заклятие привел? Ага! Благородное дело — плачущими девчатами свою задницу прикрывать! Н-да! И здесь не каждый мужик на самом деле мужик. Впрочем, чего она ждала? Такой расклад не только в сказках встречается, а и в обыденной жизни сплошь и рядом. Взять хотя бы нового хахалю тупоголовой Маргоши...

— Иди! Не бойся! — щебетала синичка, она так и продолжала сидеть на плече девушки.

Страшно было Агате? Немножко. Но ее голова уже перестала подрагивать от страха и удивления, слишком много событий случилось с самого утра. И уже все не воспринималось, как должное. Будто сказку читала. А в книжках что? Страшно? Закрой ее, сунь под подушку и спи спокойно. А при солнышке все начитанные страхи мелкими покажутся. Умом-то понимала Агата, что не сказки это все, а верить в естественность происходящего не спешила. И все равно интересно, что там дальше-то по сюжету происходить будет.

Глава 5 Не ешь меня — я не съедобная

Если судьба не заморачивается с тонкими намеками, это либо комплимент, либо ты невкусная.

А дальше... А дальше иллюзионист отдыхает. Нет, не отдыхает — вообще в осадок выпал. Под стол заполз и ветошкой прикрылся. Потому что дракон обвинил Агату хвостом (ничего так ощущения — чешуйки на хвосте казались твердыми, но шелковистыми на ощупь и теплыми), и утянул ее в пещеру. К тому же и вход огнем завесил.

— Жрать меня собираешься? Учти, я не вкусная! Жилистая и костлявая! — Агата погрозила дракону кулаком и отскочила в сторонку, случайно наступив монстру на хвост. Хорошо, что не упала. Поджилки тряслись, дух от страха перехватило, но просто так девушка сдаваться не собиралась. Жить ей еще хотелось, и желательно долго и счастливо! До самой старости и еще полстолько же!

А дракон всхрапнул и парнем обернулся. Вот тогда уж он и захохотал во все горло. А второй парень, что скрывался в пещере, тоже весело смеялся, притопывая на месте, потирал ладони и приговаривал: «Жрать... Костлявая... Агатур, зубки не сломай, пригодятся еще!».

— Не-е-е! Мы девицами не питаемся! — хохот рыжеволосого молодца в узких штанах из выдубленной и окрашенной в светло-коричневый цвет кожи, в сером до пят плаще с капюшоном поверх расшитой серебром да золотом рубахи резко оборвался. В его фиалковых глазах плескалось недоумение, и некоторая оторопь вперемешку с обидой.

— Гляди-ка! Весело им! — обиженно насупилась Агата. Под ее недовольным взглядом и второй блондинистый парень оборвал смех и закашлялся, словно слюной подавился. Агата досадливо отвернулась от него, колотить парня по спине она не собиралась, сам продышится, помощи не заслужил. — А ничего, что мне выть от страха полагается? Вот тресну по башке, будете знать, как девок воровать! — она огляделась в поисках подходящей дубинки, но даже тонкого прутика в пещере не нашлось. Стучать по головам нечем. Агата взглянула на кроссовки, но обувь было жаль, истреплется от ударов-то, или подошва оторвется — бить дурные головы она предполагала со всей силы. Покусывая нижнюю губу, она озвучила другой вариант наказаний: — Лучше запиною! Или морды поцарапаю, чтоб ни одна девчонка на вас не позарилась!

— Никак, краса-девица, ты уже ревнуешь! — усмехнулся бывший дракон. Агата сложила сплетенные замочком руки на груди и с прищуром строго обвела парня взглядом с головы до ног, обошла его по кругу, задумчиво потыкала указательным пальцем в его грудь. — Ты чего? Ворожишь что ли?

— Да вот понять пытаюсь, почему тебя девки не любят, стороной обходят. Вроде бы симпатичный! Рыжий-пыжый? Так такие многим нравятся? И что в тебе не так, раз девчонок воровать приходится, силком к себе тащить?

— Не ворует мы девок! Что мы монстры какие-то, чтоб девок насильничать? — обиженно скукожился бывший дракон.

— Погодь, Агатур! — блондин положил руку на плечо друга. — Надо ведьме все человечески поведать.

— Ах, я еще и ведьма! Совсем берега попутал? Совесть тебя не загрызет изнутри? Тоже мне, богатырь выискался, девушку беззащитную обижать много ума не надо, — Агата зло стрельнула взглядом по парню, словно сковородкой по темечку приложились, отчего он виновато передернул плечами:

— Да я ж не в обиду тебе... Ведьма и есть ведьма — чего тут бранного?

Агата нахмурилась: «А действительно — что тут плохого? Бабуся же тоже сказала, что я ведьма»:

— Ладно. Проехали. Бить пока погожу. Так что ты мне рассказать хотел?

— Да... это... Десятник я, Ратибором кличут. Мои ратники, шестеро к слову, интерес к жизни потеряли. Никак себе зазнобу найти не могут, — неуклюже начал повествовать Ратибор.

— Ну а я здесь причём? На откуп ратникам хочешь отдать? Не выйдет. Я сама себе жениха найду, когда потребуется! — от слов Агаты блондин поперхнулся:

— Нет! Что ты! Как можно ведьме перечить? Мы к Марье-кудеснице за советом шли. А Агатур, друг мой закадычный, проводником с нами отправился. Только Марья-красна травушка исчезла, а Калинов мост в Тридевятое царство нас впустил, а обратно не выпускает. Девять месяцев мы уже вернуться не можем. Спасибо ворону — птице вещей, надоумил, что в этом миру ведьму искать надо и ход подсказал как открыть. Вот мы и искали. Нашли... тебя!

— Так! Понятно, что ничего не понятно! Девчонок-то, зачем вам на смотрины князь выставлял? Самим поискать лень было?

— А как ты себе это представляешь? — усмехнулся Агатур. — Летает дракон над княжеством, над каждой девицей зависает, а за ним богатыри с мечами да палицами бегают, а он в отместку огнем чихает, да снопы и деревушки жжет?

— А хоть бы и так! Богатырей берегли или их испугались? А о девушках, Агатур, вы подумали, сколько страха им бедненьким пережить пришлось? А кстати, эти смотрины уже седьмыми были. Куда шесть девиц дели? И ничего, что я не Марья-красна травушка и совет вам дать не смогу в силу незнания ведьмовского чародейства? И вообще, меня с какого перепугу выбрали? Там краше меня девки были, и чую, ведьму среди них найти можно было, или травницу али знахарку с повитухой.

— Так ить, совет нам уже и не нужен вовсе! Все девицы, ранее пришедшие, с моими бойцами судьбу разделили. Все довольны, еще бы назад домой им через Смородину вернуться, тогда и счастье им будет полное! — удовлетворенно пояснил Ратибор.

— Были там и лекарки, травницу найти тоже не сложно. Но нам особенная ведьма нужна, и никак иначе. Кроме тебя таких днем с огнем не сыскать было, — виновато вздохнул дракон в человеческом обличии. — Пошли уже в Тридевятое царство. Сама молодоженов увидишь. А тебя издалека я опознал, по силе особой, ведьмовской почувал. Да и синичка, твой фамильяр, подсказала, — буркнул Агатур.

— Фамильяр? — обрадовалась Агата и погладила птаху, все так же сидящую на ее плече. Говорила ей бабусенька, о таком друге и защитнике ведьм. У нее самой тоже раньше имелся, в виде мышки-норушки, да остался в Тридевятом царстве, не переместился с бабушкой в другой мир. Уж как она переживала, жив ли ее помощник по имени Норка. А еще она сказывала, что если дать имя фамильяру, то и связь с ведьмой у него крепче станет: — Буду звать тебя Лапушкой, — шепнула она синичке. Птичка горделиво распушила перышки и довольно пискнула. Тут и спрашивать не надо — понравилось птахе имечко. И Агате спокойнее на душе стало. Мала радость, а все равно приятно.

А еще больше новоиспеченная ведьма порадовалась, когда шагнула вслед за парнями в портал, и увидела, что не обманул ее Ратибор. Не казались напуганными девицы в окружении шести богатырей. Довольны были и счастливы, не смотря на то, что жить им пришлось в шалашах, спать на еловых ветках, а пищу варить на костре. Верна старая поговорка, что с милым рай и в шалаше, даже если он не трехкомнатный и без элементарных удобств.

Впрочем, все шесть пар мигом покинули насиженные места, когда по просьбе Ратибора, она махнула рукой: «Идите уже!» И не веря глазам своим, увидела, как из ниоткуда соткался воздушный мост, а по нему прошагали все шесть пар во главе с Ратибором, и исчезли, словно испарились, дойдя до противоположного края.

Вот только совсем не понятно, с какой такой радости Агатур не ушел вслед за другом. «Ну и ладно, — усмехнулась про себя Агата, — Умолять будет открыть путь через Калинов мост, а я еще крепко подумаю, какую шпильку ему в хвост воткнуть». Впрочем, ей было приятно, что дракон остался рядом — не уютно одной находится в незнакомом месте, да и боязно, что не справится. Ведьма? А коли нет? Сама она, как дальше быть, не представляла, силу ведьмовскую не чуяла, да и была ли эта сила у нее, все еще не верила. А что Калинов мост появился по взмаху ее руки — так, то может просто совпадение.

Глава 6 Семь десятков лошадей

В ступе меж мирами пройти сложно. Но если в сказку врывается автопром, то все возможно.

Только когда мост развеялся, Агата позволила себе осмотреться. Каким должен быть лес в Тридевятиом царстве? Мрачным? Корявым? Непроходимым? А не тут-то было! Он оказался вполне уютным. Деревья стояли не слишком густо, пропуская солнечный свет, который ложился на тропинку золотыми пятнами. Ровные стволы покрыты мягким зеленым, приятным на ощупь мхом. Трава под ногами шелковистая, изумрудная, усыпанная ромашками, колокольчиками, клевером. Где-то вдалеке журчал ручей. Птицы пели переливчато и мелодично. Пахло хвоей, грибами и прелой листвой. Тропинка петляла меж стволов, утоптанная, явно проторенная, словно здесь часто ходили. На ветках мелькали белки, под ногами шуршали ежики. Самый обычный, добрый лес из детских сказок.

Лишь эта полянка выбивалась из общей картины. Не к месту вытоптанная трава, подсыхающие ветки шалашей и выгоревшие круги кострищ. Словно в попытке стереть несоответствие в нарисованном пейзаже Агата провела ладонью перед глазами. И... О, чудо! Полянка очистилась и ожила.

— Так лучше! — хмыкнул Агатур.

— Удовлетворен? — ехидно спросила Агата. — А вот скажи мне на милость: чего это ты такой заботливый, а за друзьями вслед не пошел?

— Ну-у, сама ж сказала, что я заботливый! — засмеялся дракон. — Не могу девушку одну в лесу оставить.

— То есть, ты в ответе за тех, кого из другого мира приволок, не спросив нужно ли это им? А ничего, что я ведьма и отомстить смогу?

— Ничего! С ведьмой прикольнее! — хитрая улыбка и добрый прищуренный взгляд должны бы растопить недоверие Агаты, да вот только попала она в неизвестность, и тревога о завтрашнем (да и сегодняшнем) дне не спешила покидать ее.

— Не верю я тебе, ящерица длиннохвостая.

— Только обзывать не надо! — обиделся дракон. — Я ж от чистого сердца помочь хочу.

— От чистого? Ну-ну! Хрен с тобой, золотая рыбка, — махнула рукой Агата, — Поживем — увидим чистоту твоего сердца. Где тут избушка на курьих ножках? А то так кушать хочется, что переночевать негде.

— Да не проблема, — усмехнулся парень. — Топай вперед по тропинке.

— Сам топай, я не хочу зверье пугать, да пятки себе отбивать, — нахмурилась ведьма.

— А давай я тебя на руках понесу! — предложил Агатур все с той же хитринкой в улыбке.

— Вот еще новости! Сама пойду, а то уронишь невзначай, поцарапаюсь, а пластыря у меня нет. Кровью изойду, да и помру во цвете лет. Лучше уж я потихоньку пошлепаю, и топать не буду, — проворчала Агата, что вызвало оглушительный смех парня. Да такой забористый, что ведьма едва сдержалась, чтобы не захохотать вслед за Агатуром, потому и поспешила удалиться с поляны по тропке.

Идти пришлось не долго. Всего пять минут неспешным ходом, (а чего спешить-то, не на пожар ведь), а посмотреть хоть краем глаза на цветущие под разномастными деревьям кусты и травы хочется, да на стрекоз и бабочек полюбоваться. В городе такой красоты и в таком количестве видеть не приходилось. Еще и птички поют так, что заслушаться можно.

Избушка старая, хлипкая какая-то показалась неожиданно. Среди могучих сосен почерневшие от времени бревна не выглядели инородными, словно сам лес взрастил домик. Столик под навесом слева от избушки выделялся белизной, будто доски столешницы только что были

выскоблены. И кто так озаботился без хозяйки? Как трон лесного божества возле него высился замшелый пенек. И еще три колоды прочно вросли в землю вокруг стола. А по правую руку у березы притулилась... Ступа! Самая натуральная ступа Бабы Яги! Да еще и метла рядышком!

Агата смотрела на одинокое окошко избушки и глазам своим не верила. Она вздохнула: «А что если...», и произнесла, опасаясь насмешить Агарона:

— Избушка, избушка, встань к лесу задом, а ко мне передом!

Впрочем, парень не смеялся, а Агата как стояла, так и плюхнулась на свою пятую точку. Потому что избушка поднялась на куриных лапах, встряхнулась, как мокрый пес, повернулась и снова опустилась наземь, как квочка на кладку яиц. Теперь вместо слюдяного окошка Агата видела крыльцо со ступеньками из горбыля и дверь с массивной медной скобой вместо ручки.

— Епрст! — выругалась она себе под нос. Но тут же волна страха заставила ее завизжать, да так, что и Агатур плюхнулся рядом с ней:

— Ты чего?

— Мы-ы-ышь! — трясущейся рукой указала она на маленькую мышку, сидящую на крыльце. И тут же одумалась, потому что вспомнила, что у бабуси был свой... — Фамильяр! Ты же фамильяр моей бабушки? — спросила она у мышки. — Норка? Так ведь тебя зовут?

— Ну, Норка! — пискнула мышка. — Я фамильяр Марьи-кудесницы красна травушки. Причем здесь твоя бабушка?

— Так Марья-кудесница и есть моя бабуся! — Агата поднялась с земли и медленно подошла к крыльцу.

Вот умом-то она понимала, что опасаться нечего, а сердце трепетало, потому как с детства девушка боялась мышей. С чего бы? Вон какая мышка славная — маленькая, чистенькая и глазками умными так и лупает по Агате, так и лупает! Да не долго! Едва Агата подошла к крыльцу, как Норка заголосила на все Тридевятое царство:

— Горюшко-то какое! Пропала моя ведьмочка! Сиротинушка я несчастная! Горе мне, горе без Марьюшки! Некому Норку подкормить, некому избушку в порядок привести! Исчезнет царство Тридевятое! Мглой покроется! Пути-дорожки мхом зарастут! Сгинут мосты Калиновы!

— Не реви! — строго одернула Агата мышку. — Жива Марья-кудесница. Застряла в другом мире немагическом. Думать надо, как бабусю выручать будем. Агатур, — повернулась она к парню, да чуть не ткнулась ему в грудь, так близко он успел подойти к ней, — Ты ж в драконьей ипостаси сможешь бабусеньку мою из того мира сюда принести... привезти... прилететь... Тьфу-ты! В общем, слетать и доставить?

— Мир без магии? — парень потер ладонью лоб и огорченно вздохнул: — Не-е-ет! Не смогу. Без магии драконы не летают.

— Я могу, — пискнула мышка, — Но только туда. А обратно как? Да и избушку без охраны оставить нельзя. Мало ли что?

— Ну-у-у, положим, в избушке останусь я с Лапушкой. И Агатур, если не свалит отсюда, — задумалась Агата.

— Не свалит, — усмехнулся дракон. — В жизни себе не прощу, если с такой красивой ведьмой что-то нехорошее случится. Да и какой молодец откажется от такой чудесной истории, что у вас тут происходит? Уж явно не я!

— Ага! Посмотрим, как ты запоешь во все драконье горло, ежели что неприятное случится, — вздохнула Агата, однако в душе порадовалась, что этот рыжик все еще не бросил ее одну-одинешеньку на произвол судьбы. — Хорошо. Норка отправится к бабуся. Теперь решить бы как ее оттуда сюда перетащить?

— Ступа! Ступа-ступа! — засвистела синичка.

— Точно! Ступа же еще имеется, — Агата благодарно за подсказку поворошила желтое брюшко фамильяра, отчего синичка блаженно прикрыла глазки.

— Ступу-то я перетащу, а меж мирами она обратно не сможет проскочить — магии для разбега не хватит, накопительный артефакт слабоват для такого дела. Если б лошадка там была, то с разгону... — Норка деловито на двух лапках ступала по замшелым доскам крыльца, высоко задрав мордочку и выпятив грудь колесом. Ни дать — ни взять, директор библиотеки, где работала Агата.

— Стоп! Лошадка? С разгону? — Агата задумалась — есть ли лошадка в деревне. Как мозги ни напрягала, а припомнить так и не смогла. Мысленно блуждала по бабушкину двору, ярко представляла домик ее на окраине, дорогу асфальтированную вдоль лесочка к фазендам богатых дачников, сараюшку, где бабушка травки сушила и возле которой сейчас стояла ее Лада цвета спелой вишни. — А если сила семидесяти лошадок? Ступа преодолет барьер между мирами? А ты чего молчишь? — Агата искоса взглянула на Агатура.

— Да вот думаю, как семьдесят лошадей в одну упряжку связать, — усмехнулся парень, почесывая затылок.

— Дерее-евня! — простионала Агата с ехидной усмешкой. — Зачем лошади, когда есть машина! Норка! Дай-ка мне клочок бумажки, да стило, али перо, чтоб записку бабушке написать.

Вот кто бы мог предположить, что в сказочном царстве окажется вполне современная ручка. Не совсем, конечно современная, но почти. Не пластмассовый корпус, а деревянный, и стержня шарикового нет, зато перо стальное да чернила лиловых клякс не оставляют.

«Бабуся, прицепи ступу на крышу моей машины, да разгони просто ее по дороге, на автопилот поставить не забудь. Если так не получится разогнаться, то ступу к бамперу веревкой привяжи. Не жалко, если машина разобьется, когда ступа нужную скорость разовьет, да меж мирами проскочит», — кратко, коряво, но бабушка умная, сама поймет идею.

Массивная замшелая ступа, помахивая метлой, скрылась в небе, унося маленькую мышку-норушку и послание из сказки в мир без магии. А Агата долго еще смотрела ввысь. Сердечко ее волновалось, а в голове замерли тишь да благодать, уведомляя, что волноваться не о чем, все получится, как задумано. Благо маршрут в немагический мир фамильяры унюхали и заверили, что ошибки быть не может, потому что порталы, что привели Агату к избушке еще не остыли, и их магический след вполне читаемый.

— Ворон в избушку залетел! — истерично зашипела синичка и, сорвавшись с плеча ведьмы, влетела в приоткрытую дверцу избушки.

— Ну и что? Ворон — птица вещая! — в спокойном голосе Агатура звучало неприкрытое уважение и почитание, что раскалило злость Агаты до предела:

— Вещая? Козел этот твой ворон. Колдуну он служит! Встречала, знаю этого пройдоху, — коса ведьмы и так уже лохматилась выпроставшимися концами прядей, а в беге совсем расплелась. Да что Агате с того, она даже и не заметила, как ее косица до лопаток длинной стала походить на мохнатую мочалку.

— Колдуну? Уверена? — спохватился Агатур, впрочем, не верить Агате у него резона не было. С криком: «Вот козел!» он бросился к избушке вслед за ведьмой, краем мысли недоумевая, почему ворон вдруг стал козлом.

Черная, как тьма птица вылетела из избушки и верещала, разбивая тишину хриплым карканьем. Желтобрюхая синица, распухшая до размера богатырского шлема, как коршун падала на ворона сверху и клевала его голову. Агатур прыгнул, пытаясь ухватить птицу за лапы, да вот незадача — не допрыгнул. Однако успел уцепиться за воронову ношу. Книгу держал пернатый «козел» в лапах и даже под тяжестью парня, добычу свою из лап не выпускал, хоть и опустился уже к самой земле. Тут уж и Агата не сплеховала, резвенько подскочила, ухватилась за воронов хвост. Так втроем книгу и отстояли. Ворон разжал лапы и с криком улетел прочь. В руках ведьмы остались лишь перья от хвоста. Зато книга спокойно лежала на травушке. Но мрачное

предчувствие, как в тиски, сжало голову девушки — яркая замысловатая вязь на обложке медленно теряла цвет и золотистый блеск.

Глава 7 Козы в салоне

Козел в салоне. Норковая шуба на капоте. Это не умственная отсталость, а правильно расставленные приоритеты

Агарон, ни слова не сказав, свалил куда-то, в чашу лесную метнулся. Агата посидела немного на крыльчке, тяжело вздыхая, гладила потухшие символы на обложке, отбитой у ворона книги.

— Ну и чего сидишь, чего скучаешь? — пропела синичка, вновь став маленькой и беззащитной.

— А что еще делать? — спросила Агата и всхлипнула: — Одна я здесь! Дракон и тот бросил меня, а обеща-а-ал...

— Тьфу-ты! А еще ведьмой называется. Одна? А я на что? Хватит ныть! Бери книгу, да в дом пошли, обживаться будем.

— Ну, да, ну, да! Чего это я? Избушка бабусина? Значит, и мне в ней место найдется. Идем уж, Лапушка. Посмотрим, как Баба Яга поживает в избушке на курьих ножках.

А вот внутри... Не-е! Вполне предполагаемо — классическое такое помещение. Деревенское! Русское! До нельзя знакомое: печка с лежанкой, лавка у дряхлого стола, сухие травки-муравки на стене развешены, рогатый ухват печку охраняет, на лежанке лоскутное одеяло кучкуется да валенки темнеют вместо подушки уложенные, на столе лучина над плоской в железной рогатине огонька ждет. Все как полагается. Только вот в углу за печкой дверка обнаружилась. А за ней...

У Агаты даже дух свело. Княжеский терем отдыхает! Очень даже современная квартира. Четыре спальни с кроватями, как три полуторки из Агатиной комнаты рядом поставленные, трюмо, на нем баночки, скляночки с разноцветными кремами-гелями, расчески, щетки и прочие женские безделушками. Комод массивный, под стать ему шкаф одежный. В каждой спальне отдельная ванная комната имеется. Впрочем, обживать спальню девушка не решилась — бабуся придет и подскажет, какую комнату внучке определит.

В большом зале ей неуютно показалось, словно в чужой дом вторглась. Впрочем, так оно и есть. Хотя комната тоже казалась обжитой. На диване пушистая шаль хозяйку поджидала. На креслах подушки с яркой вышивкой разложены. В хрустальной вазе букет полевых цветов свежестью дышит. Полосатые половики на до лоска выскобленных досках, да сундук с медной окантовкой напоминают старинную крестьянскую избу. Зато полки, доверху набитые книгами, тетрадями и свитками, да журнальный столик со стеклянной столешницей и в мире Агаты вполне современными окажутся, еще и модными. Вот только зачем на стене между двумя дверьми большое блюдо с голубой каемочкой подвешено, и как к нему яблочко свежее спелое прилепили, а главное — зачем, девушка не поняла. Да и не стала голову ломать — бабусенька расскажет.

Но в двери все же заглянула. В одну мельком, потому что в лаборатории бабушки ей делать нечего, еще натворит по незнанию что-то непоправимое, с магией шутки плохи. Не зная броду — не суй свой нос, любопытная Варвара, а то еще и не только нос оторвется, а и дом спалить можно. Или даже все Тридевятое царство. Зато за другой дверью скрывалась кухня. Не просто комфортабельная, а еще и современная завистливо дышит в сторонке. Ну, то, что плита, духовой шкаф и прочие кухонные механизмы могут работать на артефактах, Агата догадалась, не зря много книг перечитала в родной библиотеке. Но как за столько лет в шкафах, на полках и в бочонках продукты сохранили свежесть, что даже каравай оставался мягким, теплым и запашистым, и молоко в глиняной крынке не свернулось, понять было невозможно.

— Чего зависла? — Агата испуганно обернулась на каркающий возглас.

И вот тогда уже точно челюсть до пола отвисла. Даже выдохнуть не получилось. Перед ней стоял мужичок в лаптях с перевязью по мешковатым серым штанинам, в косоворотке и жилетке бархатной, потертой на сгибах. Грива отросших волос стогом соломы покрывала его голову, а за кудлатой бородой едва виделся нос картошкой, да острые черные глаза. Мужик, как мужик, да росточком не вышел — по колено Агате он был.

— Т-ты кто? — испуганно просипела девушка.

— Эй! Хозяйка! Ты домового что ли не признала? Беда мне с ведьмой, — всполошилась Лапушка и обиженно слетела с плеча Агаты. — Элементарных вещей не знает.

— Ты фамилляр, вот и учи! — домовый погрозил кулаком пташке. — А обижать не смей. Ведьмы-то быстро обучаются. А как в пору войдут, то и фамилляр им без надобности. Возьмет ведьма, да и выбросит тебя, что тогда делать станешь?

— А чего сразу угрожать-то? Подумаешь, ума палата! Без домового ведьмы тоже спокойно обойдутся, — насупилась синичка, взъерошив перышки, того и гляди, на мужичка набросится, да и домовый уже к бою готов, подхватил со стола ложку и машет ею, словно не ложка в руке, а лопасть вентилятора.

— Прекратите ссориться! — вскрикнула Агата. — Ишь, чего удумали! Нам только драки в доме не хватало.

— Да я чо, я ни чо... — скукожился домовый, а синичка виновато вспорхнула на плечо Агаты и притихла.

— Скажи-ка лучше, как звать-величать тебя, хозяин домовый. Это ты здесь полки свежими продуктами затарил?

— Не-е-ет, не я. Аннушка-чаровница заготовила, пока жива была, да стазисом накрыла. Я только дом в порядке держу. Прошкой меня Аннушка звала. А если ругалась, Дурилой Балдеевичем называла, но это обидно. Стало быть, и тебе на Прошку отзываться буду, — сказал домовый и обрадовано потер ладони друг о друга. — Хозяйки возвращаются! Теперь меня покормят. Ух! Заживем!

— Агатушка! — послышался со двора голос Агатура. — Где ты? Куда пропала?

Агата нахмурилась, но тут же обрадовано побежала на голос. Как ни крути, а оставаться одной, пусть и в окружении фамилляра и домового, страшновато.

— Епрст! Ты что? Кошку прибил? — возмущенно взъерилась Агата, глядя на освежеванную тушку в руках рыжего парня.

— Сбрэндила? Кто ж за кошкой в лес пойдет? Ты про это? — Агатур приподнял руку с тушкой. — Обед это наш. Зайца зажарим. Не голодать же, пока Марью-кудесницу ждем. Не хочешь зайца, рябчиков ощиплем.

— Сам сбрэндил! Кошку сам жарь, а рябчиков сюда давай. Прошка, неси котелки. Суп сварю.

Мирно кипел наваристый суп в котелке над огнем. Заяц на костре пускал на весь лес клубы аромата горящего жира со специями. Прошка пускал слюну над ломтями хлеба и овощным салатом и поторапливал: «Скоро што-ли? Помрешь тут с голодухи! Достались мне неумехи неторопкие, беда с ними!»

— Прошка, не дребезжи! Без тебя тошно! — прикрикнула на домового Агата, поглядывая в небо. Бабушка задерживалась, а в груди разрасталась тревога — вдруг не смогла ступа меж мирами проскочить. А тут еще рыжий дракон посвистывает, домовый причитает, да синица поучает. Сначала-то была тихая, слова поперек не говорила. Теперь же все ей ни так, да ни эдак. Ворчунья, каких свет не видывал. Ну-у! Может не свет, а Агата точно. Даже мачеха меньше нудила.

— А что Прошка? Прошка девять лет в голоде заперт был. Сама попробуй, еще не так запоешь.

— Ага! — хихикнула Лапушка. — Закрома полны снеди, а он голодный! В жизни не поверю!

— Прощка не вор! Домовые без разрешения ни крошки у хозяев не стырят!

— Не вор, говоришь, домовой? — рассмеялся Агатур. — А у меня в замке домовой ложки спер!

— Да! Не вор! А ложки он это... коле... коллекцир... Приберегал, значит, для будущего поколения. Вот!

— Что за шум, а драки нет? — с неба раздался задорный голос бабушки. От неожиданности тушка зажаренного зайца едва не выпала из рук парня, хорошо, что Прощка успел ее подхватить: — Е-хо-хо! Запахи-то какие! — прямо перед избушкой опустилась знакомая Лада.

— Бабуся! Бабусенька! — завопила Агата, роняя на стол нож, и метнулась в объятия Марьи-кудесницы, с залихватским свистом резво выпрыгнувшей из ступы, словно никогда не маялась от боли в пояснице и не жаловалась на слабость в коленях. Да что уж там? Вместо старой бабки Агата видела вполне крепкую, красивую женщину средних лет. Встреть такую в толпе, лишь по седым косас вкруг головы, по знакомому прищурю глаз и любимому голубому платью разлетайке смогла бы узнать родную бабуся. И то с трудом. Зато голос остался прежним, залиvistым и уверенным.

Обгоняя Агату, к ведьме бежал Прощка. Лапушка, под стать сороке над блестяшками, кружила над головами и пищала, как Агатин будильник, когда ей лень было спозаранку нажать на кнопку. Лишь Агатур молча взирал на эту какофонию, будто боялся, что хозяйка метлой выгонит его из Тридевятого царства. И лишь, когда все дружно сели за стол, успокоено вздохнул — не гонят!

— Бабуся, чего ты так долго? Я уж переживать начала, — плаксиво укорила Агата.

— Да вещички собирала. Негоже хозяйство, потом и кровью заработанное, лихим людям оставлять, раз уж оказия такая случилась, и машину твою пришлось сюда тащить. Вот и припозднилась. Еще и козы не желали в машину лезть, — засмеялась бабушка, тыча пальцем за спину.

А у Агаты в очередной раз челюсть отвисла. Реально так отвисла, девушка даже не обратила на это внимания. Потому что на заднем сидении ее любимой Лады истерично блеяли две козы и их предводитель — козел бородатый, что не единожды пытался проверить мягкость Агатиной пятой точки своими гнутыми рогами. На переднем сидении в клетке жались куры, а из ступы, привязанной к крыше автомобиля, торчали грабли, лопаты и мотыги. Еще и багажник был не закрыт. А как его закрыть, если мешают коробки с вещами и связки книг? Даже на капоте бабушка умудрилась закрепить узел со своей любимой норковой шубой.

Заедая рассказы о своих приключениях супчиком, да зажаристым и слегка подкопченным мясом зайца вся компания то замирала от страха, то смеялась до колик. Казалось, все в округе радовалось возвращению Марьи-кудесницы красна травка в родные пенаты. И лишь когда Агата поведала о спасении книги из лап ворона, бабушка угрюмо нахмурилась:

— Потухли, говоришь, письмена на корке? Ох, горе горькое! — вздохнула она. — Твоя эта книга, внуча, Мудровед называется.. Тысячи лет ведьмы собирали в ней свою мудрость. Молодая ведьма без нее в силу свою не войдет. Ты не сможешь ведьмачить, как должно, без нее. Это твой ресурс знаний, твой оберег и твой источник магии, пока в пору не войдешь и мое место не займешь. Прощка, неси сюда книгу! — домовой вскочил с места и исчез в избушке, только его и видели. А Марья продолжила пояснять, тяжело вздыхая: — Книга зачарована. Если кто ее похитит попытается, то она на части распадается, каждая частица прячется где-то по мирам, а где — даже ведьмам не ведомо. Искать тебе ее придется.

Так же не заметно, как и убежал, вернулся Прощка, словно хрупкую ценность держал он в руках злополучную книгу. Марья дрожащими руками открыла обложку, полистала странички и понюхала зачем-то корешок:

— Две части пропали, — вздохнула она. — Я-то помню, что в них написано, по памяти и восстановить могу. Но вот беда — силу прошлых ведьм, что записи наполняли, восстановить не смогу. Беспольными мои письма окажутся, — бабушка помолчала, покусывая губы, словно мысли свои жевала, и хмуро исподлобья взглянула на внуку: — Придется тебе, Агатушка, в путь собираться. Книгу в одно целое собирать. Как бы мне не хотелось, но помочь в этом я тебе не смогу.

Глава 8 Предскажи мне, зеркальце, судьбу мою

Зеркало предупреждает, что без рыжего беда? Значит, дракон знает о тебе больше, чем ты сама.

«Еще бы башмаки железные, кирпичи вместо хлеба, да клюку чугунную», — ворчала Агата себе под нос. А чего бы ворчать? В ее рюкзаке только сменная одежда лежит. Это Агатур несет котомку с харчами, котелками, да другими прибабасами, что в пути пригодиться могут. Марья-кудесница еще и какие-то дары для подруги всучила.

Собственно, не сам путь вызывал неприятие, а то, что идти пришлось спозаранку, не успев насладиться отдыхом в избушке на курьих ножках. Обидно! Досадно! «Но, ладно! Дойдем до бабулиной подружки, подскажет она, где страницы искать. Буду надеяться, что далеко идти не придется», — успокаивала себя Агата. Вот только не получалось настроение свое поменять. От слова «совсем».

А все почему? Да просто рыжий дракон вызвался с ней пути-дорожки пройти. Вон он, впереди шагает по тропинке, да посвистывает что-то веселое. Словно не в неизвестность бредет, а к друзьям на вечеринку. Вот и как к нему относиться? Знакомы-то всего нет ничего. Другом его назвать сложно, хотя и врагом он не кажется. Впрочем, как бы ни ворочались в голове недоверчивые мысли, что бы ни надумала себе из-за плохого настроения, Агата в глубине души была рада, что Агатур, на долго не задумываясь, отправился с ней. А еще глубже спряталось чувство искренней симпатии к парню.

Со слов Марьи-кудесницы, Агата представляла Тридевятое царство в виде кольца вокруг множества миров, поделенного на равные сектора. Как бусины на нитке избушки ведьм соединены тропинкой. Марья-то сильна была в рукоделии, в пояса вышитые, фигурки деревянные или глиняные ведьмовские заговоры вплетала, травы да деревья ей тайны мира открывали. А вот поиск магических вещей ей плохо давался. Потому и отправила внучку к подруге своей — соседке, к Лянке-ведунье расплетчице.

Лянка-то постарше Марьи была, бабка вредноватая, зато судьбы людей легко считывала. В Агатином мире ее бы ясновидящей окрестили, а здесь расплетчицей прозвали! Агата так и представляла: сидит старушка на пенечке и теребит в руках нити разноцветные, судьбы сплетает — где обрежет, где-то узелок завяжет или петельки распутает, как рыбак бороду на леске. Но так ли это, знать ей не дано.

— Агата, выше нос! — подбодрил Агатур подругу. — Ты чего насупилась? Злым ведьмам...

— Век свободы не видать! — вяло оборвала его Агата.

— Ого! Куда твои мысли понесло, — засмеялся парень. — Я хотел сказать...

— Злым ведьмам сто верст не крюк? — опять прервала его девушка.

— Нет! Злым ведьмам хороший завтрак настроение поднимет. Глянь, какая полянка чистая. Остановимся на перекус?

— Вот еще! — фыркнула Агата. Но раздражение уже покидало ее, как ни крути, а забота парня о ней приятно согревала душу. — Идти осталось всего ничего. Да и для завтрака поздно, солнце уж прямо над головой.

— Ага! Полдень. Думаешь, Лянка нас обедом накормит?

— Ничего не думаю. Но и останавливаться не хочу.

— Сама смотри, как отдых твоим ногам потребуется, так и остановимся. Я-то привычный, а ты худенькая, слабенькая.

— Я жилистая, — обиженно вскрикнула Агата. — Пробежками занималась, на тренажерах мышцы качала и водой холодной обливалась. Я не слабая!

— Н-да! Плохо дело! — Агатур задумчиво посмотрел в глаза Агаты. — На вот. Марья надоумила! — едва Агата открыла рот, чтобы сказать очередную колкость, как дракон сунул в него... леденец на палочке.

Хитра бабуля! Знала, что стеклянистая фигурка на языке сладостью успокаивает внучку. Сама пользовалась, когда Агата не в духе была, и парню поведала об этой особенности Ага-тино организма. Впрочем, Агата не обиделась, ей и самой мрачное настроение не по душе пришлось, и не ко времени. Перекатывая леденец языком от щеки к щеке, она обретала спокойствие. И когда, наконец показалась избушка Лянки-расплетчицы, девушка была спокойна и даже весела.

Кто говорит, что Баба Яга сухая и костлявая? Лянка оказалась бабушкой низкорослой и не слегка полноватой. Этаким сдутый шарик в юбке до земли, блузке-разлетайке в мелкий цветочек и соломенной шляпке поверх жидких седых волос до пояса. Она сидела на ступеньке избушки и хмуро глядела на Агату. Агату же будто не замечала.

— Дело пытаешь, аль от дела лытаешь? — вроде и вполне ритуальная фраза для сказочной бабки, только обиделась Агата — это не у Агату спрашивать Лянка должна, а у нее, у Агаты, потому как вопросы старушке она пришла задавать. Однако и грубить не стоило, бабка может обидеться, тогда и помощь не окажет.

— Ты бы нас сначала накормила, напоила, а после спрашивала, — по всем канонам сказки ответил Агатур, но Агата ступила перед ним:

— Погоди, Рыжик, я сама. Доброго здоровья, тебе, Лянка-ведунья расплетчица. Привет от Марьи-кудесницы мы тебе принесли и подарок от нее, — Агата слегка поклонилась старушке, приложив ладонь к груди.

— Ах! Ты ж! Ежа шмелю под хвост! Марья, подруженька моя закадычная нашлась. Счастье-то какое! — словно наседка над цыплятами завохтала бабка перед гостями. — Что ж стоите, родимые? Заходите в дом. И обедом накормлю, и чаем напою, да и баньку затоплю.

— Только в печь на лопате не сунь, — еле слышно пробормотал Агатур. Опасался он яговских избушек, каверзы в каждой пылинке ему там чудились. А Лянка все больше перед гостями суетилась. Безмерно радовалась и носочкам шерстяным, Марьей связанными, и платочку хлопчатобумажному из деревенского сельпо, и конфетам шоколадным «Ласточка» из закрытого мира принесенным. Весело хлопотала, гостеприимно: стол богатый накрыла и баньку истопила. Впрочем, Агатур не позволил ей самой воду из колодца в баню носить, а Агата по собственной инициативе суп сварила, да овощи потушила и шарлотку к чаю испекла из диких яблочек.

А к вечеру гостеприимный пыл Лянки подостыл малость, когда взглянула она в зеркало Велеса, в деревянной лохани из колодезной воды и невзрачного серого порошка сотворенное. Тут уж и Агате с Агатуром слегка поплохело.

— Нельзя сказать, что все худо, — вещала Лянка Агате, — Но и хорошего не так много вижу. Благо, что Книга ведьмовская на три части всего распалась. Одна у тебя сохранилась, две только искать придется. Но вижу, что трудно тебе, девонька, придется. Одна часть в мире Гурзав притаилась, другая далеко от него попала, несколько миров пройти предстоит от Гурзава до Червацы. И нигде тебе покоя не будет. Одно могу сказать, девочка моя, что не гони от себя дракона рыжего, без него беды нахлебаешься по самое горло. Но в любом случае вернешь все страницы своей книги. Плохо, что пути-дороги я не вижу, как проще сплести. Но не беда. Отправлю я вас поутру с весточкой к соседке моей, Калинке-путеводнице. Она поможет тропы безопасные проявить. Ну а пока поспите в тепле и покое. Ночь на дворе. А утро вечера мудренее.

Как бы ни опасался Агатур избушек на курьих ножках, но Лянка права — на мягкой постельке все удобнее спать, чем на свежих ветках подле костра и под звездным небом. К тому же и в этой избушке дверь скрытая за печкой имеется. А там мягкие постельки гостей

поджидают, и блюдо с наливным яблочком места незнакомые показывает, и вообще уютно, словно в дом родной попали под крылышко любимой мамочки.

Глава 9 Избушка — несушка

Если все идет так, как надо, то это потому, что хотелки достигли нужных ушей... или ног... или... Или все дело в жареном яйце.

С двумя ведьмами Тридевятое царство Марьи-кудесницы граничит. У каждой избушки выходы в три мира открываются. Сейчас путники к четвертой ведьме направляются. Арифметика проста четыре Бабы Яги — двенадцать миров в круге. А если учесть, что на данный момент тридцать три Бабы Яги здравствуют... Это ж какое расстояние должно быть между избушками? А не тут-то было! Полдня неспешным ходом, и вот она — еще одна избушка на курьих ножках. Пожалуйста, гости дорогие!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.